

И. В. Дмитриевская. – М. : Флинта, 2013. – 384 с.

References (transliterated): 1. Mandelstam L. I. *Lektsii po osnovam kvantovoy mehaniki* [Lectures on the basics of quantum mechanics]. Moscow, 1950, vol. 5. 468 p. 2. Tavanets P. V. *Suzhdenie i ego vidyi* [The judgment and its types]. Moscow, AN SSSR, 1953. 176 p. 3. Feynberg E. L. *Dve kulturyi: intuitsiya i logika v iskusstve i nauke* [Two Cultures: Intuition and Logic in art and science]. Moscow, Nauka, 1992. 251 p. 4. Suhanov K. N. *Kriticheskiy ocherk gnoseologii intuitsionizma* [Critical study of epistemology of intuitionism]. Chelyabinsk,

Yuzh.-Uralskoe kn. izd-vo, 1973. 228 p. 5. Nikitin E. P. *Otkrytie i obosnovanie* [The discovery and justification]. Moscow, Myisl, 1988. 221 p. 6. Mil D. S. *Sistema logiki* [Logic system]. Moscow, Gos. izd., 1974. 96 p. 7. Abachiev S. K. *Formalnaya logika s elementami teorii poznaniya* [Formal logic with elements of the theory of knowledge]. Rostov-on-Don: Feniks, 2012. 635 p. 8. Dmitrievskaya I. V. *Logika* [Logic]. Moscow, Flinta, 2013. 384 p.

Надійшла (received) 19.09.2016

Бібліографічні описи / Библиографические описания / Bibliographic descriptions

Опосередкованість інтуїтивного синтетичного судження / А.Н.Бардін // Вісник НТУ «ХПІ». Серія: Актуальні проблеми розвитку українського суспільства. – Харків: НТУ «ХПІ», 2016. – № 40 (1212). – С. 80–85. – Бібліогр.: 8 назв. – ISSN 2227-6890.

Опосредованность интуитивного синтетического суждения / А.Н.Бардин // Вісник НТУ «ХПІ». Серія: Актуальні проблеми розвитку українського суспільства. – Харків: НТУ «ХПІ», 2016. – № 40 (1212). – С. 80–85. – Бібліогр.: 8 назв. – ISSN 2227-6890.

Mediation intuitive synthetic judgment / O. M. Bardin // Bulletin of NTU "KhPI". Series: Actual problems of Ukrainian society development. – Kharkiv: NTU "KhPI", 2015. – № 40 (1212). – P. 80–85. – Bibliogr.: 8. – ISSN 2227-6890.

Відомості про автора / Сведения об авторе / About the Author

Бардін Олександр Миколайович – кандидат філософських наук, Національний технічний університет «Харківський політехнічний інститут», доцент кафедри філософії; тел.: (057) 707-60-20; e-mail: philosophy.ntukpi@gmail.com.

Бардин Александр Николаевич – кандидат философских наук, Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт», доцент кафедры философии; тел.: (057) 707-60-20; e-mail: philosophy.ntukpi@gmail.com.

Bardin Alexander Mykolaiovych – Candidate of Philosophical Sciences (Ph. D.), National Technical University "Kharkiv Polytechnic Institute", Associate Professor at the Department of Philosophy; tel.: (057) 707-60-20; e-mail: philosophy.ntukpi@gmail.com.

УДК 165.17

М. В. СМОЛЯГА, Г. Г. СТАРИКОВА

ИМПЛИЦИТНЫЕ ФОРМЫ ПРЕДПОСЫЛОК НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Розглядається історія дослідження проблеми імпліцитного знання, особливу увагу при цьому приділяється постпозитивістським моделям розвитку наукового знання. Так, аналізується була висунута сучасними дослідниками вимога визнання рівноправним з спеціально-науковим знанням також світоглядного передумовного знання, яке має свої, відмінні від інших форми та засоби. Передумовне знання розглядається також як очевидне, імпліцитне знання, що не піддається вербалізації. Проаналізована роль нерелективних, неекспліцираних філософських передумов у науковому пізнанні.

Ключові слова: передумовне знання, імпліцитне знання, неявне знання, очевидність, філософські передумови науки.

Статья посвящена проблеме предпосылочных компонентов научного знания. Рассматривается история исследования проблемы, особое внимание при этом уделяется постпозитивистским моделям развития науки. В частности, анализируется выдвинутое современными исследователями требование признать равноправным со специально-научным также мировоззренческое предпосылочное знание, обладающее своими собственными формами и средствами. Предпосылочное знание рассматривается также как очевидное, имплицитное знание, которое не поддается вербализации. Проанализирована роль нерелективируемых, неэксплицируемых философских предпосылок в научном познании.

Ключевые слова: предпосылочное знание, имплицитное знание, неявное знание, очевидность, философские основания науки.

The article is devoted to the problem of basic unknown components in scientific knowledge. The implicit knowledge was not the theme of serious scientific and philosophy investigation till XX century. Curtesy decided such question in his theory of obvious as a description of scientific knowledge. Also the Kant's conception of a priory knowledge gave a new point of view to this problem. But only in postpositive philosophy the problem of implicit basic knowledge became actuality. K. Popper, I. Lacatos, M. Polani devoted especially attention to such problems. Modern investigators put forward the demand of between the special-scientific and basic knowledge which has it's own forms, capacity and possibilities. The basic unknown components are believed also as the obvious, implicit knowledge which cannot be verbalization. The role of not reflexing, not explicated philosophy basic knowledge in the scientific knowledge was analyzed.

Keywords: basic knowledge, implicit knowledge, unknown knowledge, obvious, philosophy basis of science.

Вступлення. Проблема імпліцитних, предпосылочных компонентов научного знания долгое время оставалась на периферии философских изысканий.

Лишь в середине XX века, в результате развития постпозитивизма и дискуссий вокруг этой концепции внимание исследователей обратилось непосредственно к

феномену неосознаваемых компонентов человеческого знания, в том числе и научного. Однако в силу своей неясности, бессознательного характера данный феномен по-прежнему сложен и трудноуловим для формализованного, абстрактно-научного, философского анализа. Тем не менее, его изучение необходимо для более глубокого и точного понимания специфики человеческого познания вообще и абстрактно-логического, понятийного познания, в частности. Поэтому исследование проблемы имплицитного знания остается **актуальным** для современной эпистемологии.

Анализ исследований и публикаций. Уже в диалектике Платона и в аристотелевском учении о началах науки и философии проблема предпосылок в определенной форме зафиксирована, но как самостоятельную и многоаспектную ее сформулировал И. Кант, стремившийся исследовать аналитическое и синтетическое априори, априорные основоположения и различного рода регулятивные принципы, составляющие главные компоненты предпосылочного знания. Он же и ввел это понятие в систему философского знания [1, с. 85]. Проблема выявления и осмысления предпосылок науки – одна из ведущих тем фихтевского «наукоучения», оно «должно, в частности, вскрыть основоположения всех возможных наук, которые не могут быть доказаны в них самих». У Гегеля эта проблема, например, представлена как учение об основании (при критическом рассмотрении закона достаточного основания, указании на конечность оснований познания позитивных наук и т.д.), «началах», «предположенном», «условиях», снятии и преодолении их [2, с. 297].

Параллельно идет развитие идеи «беспредпосылочности» научного знания как необходимого условия «чистого» теоретико-познавательного анализа. Так, Э. Гуссерль, стремясь преодолеть психологизм в логике, исходит в «Логических исследованиях» по существу из требования мировоззренческой беспредпосылочности. Как известно, концепция принципиальной «беспредпосылочности» знания как условия его научности достигла апогея и исчерпала себя в исследованиях и претензиях логического эмпиризма. Критическое преодоление неопозитивистской исследовательской программы, основанной на редукции теоретического знания к эмпирическим данным, возродило интерес к основаниям и предпосылкам научного знания, привело к выделению и исследованию их в качестве самостоятельного компонента в общей структуре науки. По сути, заново введено и сегодня все шире употребляется понятие «предпосылочное знание». К. Поппер, а вслед за ним А. Масгрейв, Дж. Уоткинс и другие рассматривают его как «непроблематичное» знание, как третью составляющую, наряду с данными и гипотезой. Разумеется, эта «непроблематичность» понимается в соответствии с принципом «все открыто для критики» как относительная [3, с. 115].

Сформулированные в литературе логико-исторический (временной) и эвристический подходы к предпосылочному знанию сталкиваются с существенными логическими трудностями. В первом случае не всегда возможным оказывается установить моменты,

когда то или иное знание становится известным науке и в этом смысле может считаться «предпосланным» данному знанию. Во втором – трудность состоит в том, что у различных ученых нет однозначных эвристических предпосылок при подтверждении данной теории, что затрудняет их логическую реконструкцию. Существуют и иные трактовки предпосылочного знания: как конкурирующей теории (И. Лакатос), теории, задающей онтологию (У. Куайн), «дополнительной скрытой информации» (Дж. Уоткинс) и др. Для методологов – последователей К. Поппера характерно функциональное понимание предпосылочного знания как общепринятого, бесспорного знания, третьей составляющей, характер отношения которой к данным и гипотезе требует специального исследования. Следует отметить, что содержание и структура самого предпосылочного знания либо четко не дифференцируются (оно принимается просто как некоторый целостный фактор, выполняющий свою функцию предпосылки, условия, наличного знания и т.п.), либо сводятся к содержанию и структуре специального знания. Вопрос о включенности в предпосылочное знание философско-мировоззренческих, регулятивно-методологических компонентов, – на наш взгляд, главный – по существу не ставится.

Это подтверждается и тем, что возродившаяся «метафизическая» проблематика, в частности обсуждение роли онтологических предпосылок в развитии теории, никак не увязывается с проблемой предпосылочного знания, исследуемого в логико-аналитических традициях (например, в связи с «парадоксом подтверждения»).

Это объясняется, по-видимому, все еще сильной традицией «чисто» логического анализа знания, а также достаточно большой неопределенностью в понимании природы и функций как самого «предпосылочного знания» (вообще, предпосылок науки), так и «метафизики» в ее отношении к науке. В литературе справедливо подчеркивается, во-первых, что само понятие «метафизика» имеет множество оттенков, четко не разграничивается с философией в целом и чаще всего отождествляется только с онтологией, учением о бытии. Во-вторых, если и признается конструктивная роль «метафизики» (т.е. только онтологических схем), то место ее в структуре научного знания, а соответственно и познавательное значение, определяется весьма неоднозначно. В частности, от «параллельного» с наукой существования в виде генетической предпосылки (поздний Поппер) или более сильно – в качестве предпосылки построения, выбора, проверки и опровержения научных гипотез (Дж. Агасси) до включения в парадигму или «жесткое ядро» научно-исследовательской программы (и, по сути дела, срастанием, неразличением со специально-научным знанием) у Т. Куна и И. Лакатоса. Таким образом, основной вопрос «не в том, чтобы описать отношение между метафизикой и наукой, а в том, чтобы объяснить это отношение» [4, с. 61], как его формулировал М. Вартофский, остается нерешенным.

Среди современных исследований в данной об-

ласти следует отметить работы В. В. Степина, Н. Мотрошиловой, Е. Князевой и других представителей синергетического направления [5, с. 647]. Однако самый большой вклад, на наш взгляд, внесли труды Л. А. Микешиной, посвященные проблеме имплицитных типов знания. Так, одна из последних работ по этой теме «Эпистемология ценностей» подробно анализирует такую важнейшую составляющую научного знания, как ценностные мировоззренческие предпосылки и различные типы предпосылочных знаний в науке [6, с. 117]. В частности, уделяется внимание имплицитным, неявным компонентам научного знания, их влиянию на методы проведения и результаты научных исследований. Однако остается нерешенной сложная проблема классификации подобного типа знаний, осложненная из-за их невербальности и преимущественной неосознанности.

Цель данной работы заключается в анализе ряда компонентов научного знания, которые можно отнести к имплицитным феноменам. Предполагается также продемонстрировать аналогии между понятиями «имплицитное знание» и «предпосылочное знание».

Материалы и результаты исследования. Вслед за современными исследователями мы считаем необходимым признать равноправным, наряду со специальным-научным, также и мировоззренческое предпосылочное знание, обладающее своими собственными формами и средствами. В этом знании в логико-методологической форме должны быть отражены и зафиксированы все виды ценностных отношений самого процесса познания: от социально-психологических до социально-экономических и культурно-исторических; от внутринаучных методологических до философско-мировоззренческих.

Проблема предпосылок познания – одна из традиционных в философии. Однако драматические события последних десятилетий в методологии, истории и философии науки сделали эту проблему одной из наиболее актуальных. Драматизирующими факторами стали по существу обретшие новое дыхание системный, деятельностный и исторический принципы, взятые в единстве и взаимодействии, а также принцип социальной детерминации научного познания. Условием их действительной реализации при анализе научного познания стало, прежде всего, осознание и преодоление ряда парадоксов.

Так, до последних десятилетий наука по преимуществу рассматривалась только как система знания, хотя неявно она понималась и как определенная деятельность; не отрицалось развитие, изменение науки, но не стоял сколько-нибудь серьезно вопрос о движущих силах и природе этого развития. Структура науки представлялась лишь как статическая структура ставшего знания, т.е. опять неявно элиминировались деятельностный и исторический аспекты, существование которых явно не отрицалось. Наконец, декларация принципа социальной детерминации научного познания не подкреплялась реальным учетом этого фактора в эпистемологических исследованиях.

Сегодня ситуация существенно иная. Исследования науки как единства знания и деятельности по выработке этого знания вывели на передний край проблему регулятивов познавательной деятельности, т.е. ее ценностно-нормативных предпосылок. Разработка теории и истории развития науки поставила вопрос о движущих силах и тем самым о предпосылках, а также о механизме изменения и смены и самих предпосылок познания.

Стремление выявить структуру развивающегося научного знания и рассматривать его системно привело к осознанию необходимости подключения новых «единиц» методологического анализа, т.е. к рассмотрению развития и смены теорий в контексте и в системе различных предпосылок и других параметров. Изменение отношения к статусу и роли концептуальных предпосылок в научном познании проявилось также в возросшем внимании исследователей к их конкретным формам и видам – философским и общенаучным методологическим принципам построения научной картины мира, стилю научного мышления, идеалам и нормам познавательной деятельности, здравому смыслу и т.д.

Особо стал исследоваться вопрос о предпосылочных функциях ценностного сознания в научно-познавательной деятельности и знании. Однако во всех исследованиях, даже затрагивающих весьма глубокие проблемы, например, методы философского критико-рефлексивного анализа предпосылок, само понятие «предпосылочное знание» используется как интуитивно ясное. Таким образом, возникла необходимость специального исследования природы, структуры, логико-методологического статуса и формы существования предпосылок научного познания в контексте современного учения о познании. Потребовалось эксплицировать и ввести в понятийный аппарат современной методологии понятие «предпосылочное знание», многозначное и весьма неопределенное.

Сложность выявления и исследования феномена предпосылочности, а также плюрализм в трактовке его конкретных форм объясняются рядом факторов. Во-первых, этот элемент структуры научного знания не улавливается, если анализ знания осуществляется на уровне отдельных предложений или даже функциональных групп (таких, как метод, факт, гипотеза, теория и др.). Рассмотрение знания на уровне предложения, т.е. собственно логический подход, позволяя исследовать структуру теории, непротиворечивость ее исходных положений и т.п., оказывается недостаточным для того, чтобы обнаружить внелогические (недедуктивные) способы получения знаний, функционально-содержательные различия предложений (конститутивных, регулятивных, мировоззренческих). Заданные в такой форме «ячейки» сети-анализа заведомо пропускают все то, что не относится к основным единицам знания.

Во-вторых, предпосылочное знание как непроблематичное или очевидное или как не имеющее отношения к специально-научному знанию чаще всего явно не формулируется и существует в имплицитной форме.

Каковы же способы введения и формы существования неявных предпосылок в научном знании? Можно полагать, что существуют специальные «формы бытия» и вхождения имплицитных элементов в объективированное знание. Однако анализ с этой точки зрения собственно логических, а также гносеологических методов и приемов, общенаучных и специальных научных методов приводит к несколько иному выводу: любой способ рассуждения, познания, оперирования со знанием (от интуитивно-содержательного до формализованного, логически строгого) – это еще и способ введения (или бытия) неявного знания. Поэтому проблема должна быть переформулирована следующим образом: как именно формы неявного знания и способы его введения зависят от этапов, методов и форм научно-познавательной деятельности?

Большими возможностями введения неявных предпосылок в научное знание обладают индуктивные методы (индукция, аналогия, экстраполяция). В этих методах следование носит вероятностный характер, предположение о его правомерности, правдоподобии основано на неполной информации и, главное, зависит от различного рода неявных предпосылок, в том числе мировоззренческого характера. Эти моменты существенно усиливаются во «внелогических» познавательных процедурах сравнения, выбора, предпочтения гипотез, методов, оценки и решения проблем, способов доказательства, обоснования и т.п. В каждой из них представлены интуитивные, неэксплицированные, невербализованные и не всегда осознаваемые элементы – как интеллектуальный и ценностный фон субъекта научной деятельности.

Наряду с указанными способами можно выявить наиболее распространенную процедуру, способ введения неявных элементов (в том числе и предпосылок) в научное знание – это перевод явного, актуально выраженного знания в неявное, в подтекст, т.е. использование приема умолчания о знании само собою разумеющемся, очевидном.

Очевидность – это характеристика не познавательного образа, знания, а принятия его достоверности или истинности субъектом. Истинность знания очевидна для субъекта в том случае, если ее обоснование, доказательство не требуют экспериментальных операций и специальных логических рассуждений, оно «ухватывается» субъектом непосредственно чувствами или умозрением или, наконец, потому, что это знание многократно подтверждено и проверено прежде.

Известно, что Декарт рассматривал очевидность как важнейший признак знания, поскольку считал истинным только то, что воспринимается ясно, отчетливо, самоочевидно (первое правило его метода). Состояние умственной самоочевидности было для него исходным и конечным моментом движения познания. Однако Декарт по существу не задавался вопросом «очевидно для кого?», полностью отвлекаясь от исторического и коммуникативного характера получения и передачи знания. Но еще у Аристотеля очевидность знания исследовалась в ее методологическом (и в известной мере методическом) значении, при этом

«очевидно для кого?» рассматривалось им специально. Исследователи обратили на это внимание в связи с проблемами становления аксиоматического метода и возникшей дискуссией о роли Аристотеля в истории аксиоматики. Во «Второй аналитике» он в общей форме на этот счет писал, что в зависимости от того, какой статус имеет высказывание, оно должно присутствовать в знании либо обязательно в явной форме как постулат, поскольку он может стать предметом спора и причиной непонимания; либо в неявной, как аксиомы – самоочевидные, необходимые истины; или как предположения, истинность которых не доказана, но не вызывает споров у исследователей (учителя и его учеников), принадлежащих к одной школе.

Следуя этим идеям Аристотеля, можно выделить следующие общие всем современным наукам группы высказываний, которые, как правило, не формулируются явно в научных текстах «нормальной» науки:

- логические и лингвистические правила и нормы;
- общепринятые, устоявшиеся конвенции, в том числе относительно языка науки;
- общеизвестные фундаментальные законы и принципы;
- более сложные содержательно-нормативные группы высказываний: философско-мировоззренческие, которые не выражены эксплицитно либо как очевидные, либо поскольку вообще не осознаются исследователем; парадигмальные нормы и представления; научные картины мира, стиль мышления, конструкты здравого смысла и т.п.

Во всех этих случаях очевидность – это не чувственная достоверность, но, скорее, интеллектуальная убедительность на основе определенного «способа видения» или усвоенных мировоззренческих и методологических регулятивов, либо языковых и логических норм и правил. Такого рода очевидность имеет ясно выраженное социокультурное и коммуникативное происхождение: очевидно не всякому, но лишь принадлежащему к определенному социуму, усвоившему определенный стиль мышления, систему мировоззрения, парадигму. В этом случае очевидное может уйти в подтекст, стать имплицитной составляющей только в силу того, что по принципиальным механизмам своего осуществления познавательная деятельность всегда носит социально-опосредованный характер и осуществляется в коммуникации.

Только при условии, что функционируют четко налаженные формальные и неформальные коммуникации и знание очевидно как для автора, так и для некоторого научного сообщества, оно может принимать имплицитные формы, не утрачивая своих функций предпосылок и оснований, реализуя их неявным образом. Социальная (коммуникативная) опосредованность научной деятельности, явная или неявная диалогичность научных текстов, их ценностная «нагруженность» и контекстуальная многоплановость закономерно ставят вопрос о динамике перевода господствующих в культуре и собственно в знании стереотипов, общепринятых истин на положение неявного, невербализуе-

мого в данном тексте знания. Задача их актуализации и экспликации вновь встанет в повестку дня при пересмотре оснований, вызванном сменой парадигм, стиля мышления и научной революцией в целом.

Следующий этап – философско-методологические и мировоззренческие предпосылки своей области принимаются вообще без доказательств, как бесспорные, т.е. оформляется нерелефлируемый слой знания, обосновывающий специально-научное содержание, причем преимущественно в имплицитной форме. В то же время все функции обоснования и экспликации предпосылок передаются учебникам; типичными становятся тексты статей для коллег-профессионалов, предпосылочное знание в которых не формулируется, явно не присутствует и может быть выявлено лишь в ходе специальной реконструкции всего контекста.

Таким образом, выясняется весьма существенный момент: гносеологический статус философских оснований и предпосылок, в частности, их непроблематичность, нерелефлируемость или, наоборот, эксплицируемая форма присутствия в знании находятся в прямой зависимости от коммуникаций и соответственно профессионального консенсуса, проявляющего свои методологические функции. Процесс перевода очевидного знания в подтекст и повторная его экспликация носят регулярный и всеобщий характер. При этом осуществляется оптимизация знания и уплотнение информации в конкретном научном тексте, в ходе научных коммуникаций.

В результате того, что очевидное может содержать, в свою очередь, дополнительные неявные послышки, возникают неопределенности, противоречия в системе знания и даже парадоксы. Классическим примером тому является ситуация, сложившаяся вокруг пятого постулата геометрии Евклида. Собственно Евклидова формулировка этого постулата была сложна, громоздка и далеко не очевидна. Были обнаружены и содержащиеся в нем излишние элементы, поэтому в конце XVIII в. ее заменили ныне широко известной: через точку, лежащую вне прямой, проходит только одна прямая, параллельная этой прямой. Однако и в такой форме аксиома о параллельных не могла быть логически выведена из остальных аксиом геометрии. Все выдвигающиеся доказательства «грешили» одним: в каком-то пункте каждого такого рассуждения опускалось обращение к послышкам, которые основываются на интуиции и не могут быть выведены из других аксиом Евклида. Причем эти скрытые интуитивные послышки оказывались замаскированной формой самой аксиомы о параллельных, на что в свое время указал Р. Карнап [7, с. 185].

Осознать и понять эту ситуацию с аксиомой о параллельных и выявить скрытые ошибки при ее доказательстве (как теоремы) стало возможным только с развитием логики, адекватной геометрии. Как показывает Карнап, прежде в различных «местах вывода иногда незаметно допускалось обращение к интуиции, иногда это делалось совершенно явно, иногда скрытым путем. Метод для различия чисто логического вывода и вывода, вносящего нелогические компонен-

ты, основанные на интуиции, стал известен только после систематической разработки логики...», существенным для которой было, «во-первых, то, что правила умозаключений в ней могли быть установлены с полной точностью. Во-вторых, на протяжении всего вывода никакое утверждение не принималось, если оно не было получено из посылок или же из ранее полученных результатов путем применения к ним правил логических умозаключений» [7, с. 187].

Как известно, сами ученые-геометры Н. И. Лобачевский, И. Бояи пришли к мысли заменить этот постулат другим, прямо противоположным. Однако ожидаемое противоречие не обнаружилось, вновь построенная геометрия была логически обоснована и противоречила только привычным интуитивным пространственным представлениям.

История аксиомы о параллельных показывает, что за очевидным, интуитивно ясным, а потому явно не формулируемым знанием может скрываться существенная дополнительная, неосознаваемая исследователем информация. Ее выявление с помощью современных логических приемов не только позволило создать более строгую систему доказательств в науке, но и совершить открытие принципиально новых «миров», как это произошло в неевклидовых геометриях.

Можно предположить, что неявная предпосылка, ставшая таковой в силу своей очевидности (например, неформулируемое значение терминов), может оказаться неосознанной при смене теорий, исследовательских программ или парадигм, что становится скрытой причиной рассогласования знания, появления парадоксов, противоречий в новой системе рассуждений (например, неосознанность того факта, что произошло смещение концептуальной сетки).

Кроме того, пока некая предпосылка в силу своей очевидности присутствует в тексте имплицитно, трудно ставить вопрос о ее истинности, обнаружить несостоятельность, задаться целью проверить в эксперименте, и т.д., тем более что она принимается как непроблематичное, заведомо истинное знание.

Как видно, оба последних момента порождают, в свою очередь, еще один круг вопросов, а именно: как влияет невербализованное знание, неявно присутствующее в тексте, на истинностные характеристики объективированного знания. Известно, что в процедурах подтверждения (опровержения) участвуют лишь явно сформулированные понятия, идеи, принципы, законы, данные и гипотезы. Неявные же концептуальные предпосылки, наряду с ценностными ориентирами, осознанно или неосознанно принимаются как истинные. В случае перевода в подтекст знания как очевидного могут возникнуть напряженные ситуации, порождаемые гносеологической природой самой очевидности, как бы она ни трактовалась. Чувственно очевидное (достоверное), как известно, не всегда означает истинное. В основе этого утверждения лежит, по существу, обширный опыт развития естествознания, в частности, коперниканская революция. Очевидность как признак, характеризующий истинность знания, антропоморфна. Всегда существует вопрос

«очевидно для кого?». В связи с этим могут возникать существенные расхождения в интерпретации и прочтении энтимем, очевидных неэксплицированных предпосылок у представителей различных парадигм, исследовательских программ, школ или направлений, что требует учитывать интересубъективный, коммуникативный характер очевидности.

Как выясняется, одним из показателей степени зрелости той или иной науки, развитости ее самосознания служит отношение ученых к предпосылкам и основаниям применяемых методов и процедур. С этой точки зрения достаточно четко разграничиваются классическая и современная наука, поскольку эти этапы развития научных знаний опосредованно фиксируют не только содержательное различие идеалов и норм построения и обоснования теории и методов, но и различную степень осознания их присутствия в науке. Это может быть подтверждено процессами, происходившими в физике в конце прошлого – начале нашего века, в частности, процессом осознания и экспликации неявных предпосылок измерительных процедур и связанных с ними онтологических допущений. Раскрывая сущность этого процесса в связи с созданием А. Эйнштейном теории относительности, В. С. Степин отмечает следующее. Измерительные процедуры в физическом эксперименте всегда основаны прежде всего на таких допущениях, которые исходят из конкретных физических законов и, как правило, четко эксплицируются исследователем [8, с. 49]. Кроме того, в состав допущений – предпосылок измерительных процедур – входят также постулаты, выражающие то общее, что существует у различных конкретных видов экспериментально-измерительных процедур. Эти постулаты чаще всего принимаются как интуитивно ясные и не формулируются в явном виде (примером может служить постулат объективной воспроизводимости эксперимента). Но за внешней очевидностью таких утверждений скрыты весьма сильные допущения относительно природы физического мира, в частности онтологический принцип однородности времени, что, в свою очередь, предполагает отвлечение физики от идеи эволюции мира.

Таким образом, приняв те или иные принципы измерения, физик неявно принимает и ряд онтологических допущений. Соответственно пересмотру принципов измерения приводит к пересмотру онтологических схем, принимаемых в этот момент физикой. В классической физике такой анализ, как правило, не проводился в явном виде. Корреляция онтологических постулатов с неявно присутствующей схемой измерения происходила постепенно как выдвижение гипотез и их проверка опытом. Современная же физика характеризуется принципиально иной ситуацией: перестройка картины мира начинается с экспликации и анализа принципов экспериментально-измерительной деятельности. Эйнштейн был одним из первых, кто осознал эту зависимость и учел ее явным.

Вывод. Представляется, что решение этой проблемы должно быть вписано в более широкий познавательный значимый контекст. Вопрос об отношении «метафизики» и науки должен быть поставлен не только как вопрос о роли философского учения о бы-

тии для науки, но и как проблема влияния всего философского знания, его мировоззренческой функции на науку в целом. Философские предпосылки содержатся в предпосылочном знании как базисный элемент и соотносятся с общенаучными методологическими принципами и со специально-научным знанием, что предполагает выяснение их взаимодействия и дифференциации функций. В то же время, специально-научное знание, если оно рассматривается как предпосылочное (по К. Попперу), не должно исследоваться только логическими средствами как форма знания, но стать также объектом критико-рефлексивного (гносеологического и методологического) изучения как исторически складывающаяся система в ее социокультурных функциях. Итак, необходимо объяснить не отношение «метафизика (учение о бытии) – наука», а взаимодействие науки и философско-мировоззренческого, методологического знания, конструирующую роль этого взаимодействия.

Именно так и рассматривается эта проблема в отечественной философской литературе, где в последние десятилетия широко исследуются конкретные социокультурные, мировоззренческие и методологические предпосылки науки. Это философские принципы, идеалы и нормы, общенаучные методологические регулятивы, а также понятия научной картины мира, стиля мышления и «здорового смысла». Выявляются их теоретические, концептуальные и доконцептуальные формы, исследуется роль тех и других на разных этапах познания и обоснования, в различных познавательных процедурах, а также способы введения и формы присутствия в научном знании. Представляется, что именно такого рода предпосылки и соответственно формы знания и познавательной деятельности следует включить в содержание термина «предпосылочное знание» в узком смысле.

Список литературы: 1. Кант И. Основоположения метафизики нравов / И. Кант. Собр. соч. в 8 т. Т. 4. – М.: Прогресс, 1994. – 354 с. 2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Гегель Энциклопедия философских наук. Т. 1. – М.: Просвещение, 1975. – С. 280–335. 3. Поннер К. Предположения и опровержения. Рост научного знания / К. Поннер. – М.: Прогресс, 2005. – 412 с. 4. Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке / М. Вартофский // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. – М.: Просвещение, 1978. – С. 43–54. 5. Аршинов В. И. Личностное знание М. Полани как позиция синергетики / В. И. Аршинов // Субъект, познание, деятельность. – М.: Прогресс, 2002. – С. 635–670. 6. Микешина Л. А. Эпистемология ценностей / Л. А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 439 с. 7. Карнап Р. Философские основания физики / Р. Карнап. – М.: Просвещение, 1971. – 287 с. 8. Степин В. С. Идеалы и нормы в динамике научного поиска / В. С. Степин // Идеалы и нормы научного исследования. – М.: Просвещение, 1989. – С. 41–57.

References (transliterated): 1. Kant I. *Osnovopolozheniya metafizikinravov* [Basic principle of the metaphysics of morals]. Moscow, Progress, 1994, vol. 4, 354 p. 2. Hegel G.W.F. *Nauka logiki* [Science of logic]. *Encyclopedia filosofskih nauk* [Encyclopedia of Philosophical Sciences]. Moscow, Prosvescheniye, 1975, vol 1, pp. 280–335. 3. Popper K. *Predpologheniya i oprovergheniya. Rost nauchnogo znaniya* [Assumptions and denials. The growth of scientific knowledge]. Moscow, Progress, 2005. 412 p. 4. Vartofskiy M. *Evristscheskaya rol metafisiki v nauke* [The heuristic role of metaphysics in science]. *Struktura i rasvitiye nauki. Is Bostonskih issledovaniy po filisofiyi nauki* [The structure and the development of science. Boston research on the philosophy of science]. Moscow, Prosvescheniye, 1978, pp. 43–54. 5. Arshinov V. I. *Lichnostnoe snaniye M. Polani kak pozitsiya sinergetiki* [The personal knowledge of M. Polanyi's position as the synergy]. *Sub'ekt,*

posnaniye, deyatelnost [The subject, cognition, activities]. Moscow, Progress, 2002, pp. 635–670. 6. Mikeshtina L. A. *Epistemologiya zemlostey* [Epistemology values]. Moscow, ROSSPEN, 2007. 439 p. 7. Kamap R. *Filosofskiy osnovaniya fiziki* [Philosophical Foundations of Physics]. Moscow, Prosvescheniye, 1971. 287 p. 8. Stepin V. S. *Ideali i normi v dinamike nauchnogo*

poiska [The ideals and norms of scientific research dynamics]. *Ideali i normi nauchnogo issledovaniya* [The ideals and norms of scientific research]. Moscow, Prosvescheniye, 1989, pp. 41–57.

Надійшла (received) 01.11.2016

Бібліографічні описи / Библиографические описания / Bibliographic descriptions

Імпліцитні форми передумов наукового знання / М. В. Смоляга, Г. Г. Старікова // Вісник НТУ «ХПІ». Серія: Актуальні проблеми розвитку українського суспільства. – Харків: НТУ «ХПІ», 2016. – № 40 (1212). – С. 85–91. – Бібліогр.: 8 назв. – ISSN 2227-6890.

Имплитные формы предпосылок научного знания / М. В. Смоляга, Г. Г. Старикова // Вісник НТУ «ХПІ». Серія: Актуальні проблеми розвитку українського суспільства. – Харків: НТУ «ХПІ», 2016. – № 40 (1212). – С. 85–91. – Бібліогр.: 8 назв. – ISSN 2227-6890.

The implicit forms of basic unknown components in scientific knowledge / M. V. Smolyaga, G. G. Starikova // Bulletin of NTU "KhPI". Series: Actual problems of Ukrainian society development. – Kharkiv: NTU "KhPI", 2016. – № 40 (1212). – P. 85–91. – Bibliogr.: 8. – ISSN 2227-6890.

Сведения об авторах / Відомості про авторів / About the Authors

Смоляга Марина Віталіївна – кандидат філософських наук, Національний технічний університет «Харківський політехнічний інститут», доцент кафедри філософії, тел. (096)7379750, e-mail: ms.starikovag@mail.ru.

Смоляга Марина Віталіївна – кандидат философских наук, Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт», доцент кафедры философии, тел. (096)7379750, e-mail: ms.starikovag@mail.ru.

Smolyaga Marina Vitaliyevna – Candidate of Philosophical Sciences (Ph. D.), National Technical University “Kharkiv Politechnic Institute”, Associate Professor at the Department of Philosophy, tel. (096)7379750, e-mail: ms.starikovag@mail.ru.

Старікова Галина Геніївна – кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії, Національний університет радіоелектроніки, доцент кафедри філософії, тел. (066)4473685, e-mail: ms.starikovag@mail.ru.

Старікова Галина Геніївна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Национальный университет радиоэлектроники, доцент кафедры философии, тел. (066)4473685, e-mail: ms.starikovag@mail.ru.

Starikova Galina Geniyevna – Candidate of Philosophical Sciences (Ph. D.), Docent, National University of Radioelectronic, Associate Professor at the Department of Philosophy, tel. (066)4473685, e-mail: ms.starikovag@mail.ru

УДК 1 : 37

О. О. ДОЛЬСЬКА

СОЦІОКУЛЬТУРНА ОБУМОВЛЕНІСТЬ ВИКЛАДАННЯ ФІЛОСОФІЇ

Питання викладання філософії, особливо в технічних університетах, зіштовхується з проблемою змін в навчальних планах, що тягне за собою проблему її змістовної компоненти. XXI століття вперше дає можливість посилити навчальний план з філософії такими напрямками, як філософія техносфери, філософія техніки, філософія сучасного суспільства та ін. Ці напрямки ставлять наголос на більш прикладному характері філософії, тому потребують особливого характеру викладання – міждисциплінарного. Це є відповіддю на сучасні соціокультурні виклики суспільства. Воно потребує фахівців, які поєднують в собі фах інженера, філософа, аналітика і які спроможні на комплексну гуманітарну експертизу.

Ключові слова: викладання філософії в технічному університеті, прикладний характер філософії, міждисциплінарність, науково-філософський світогляд.

Вопросы преподавания философии, особенно в технических университетах, сталкиваются с проблемой изменений в учебных планах, что влечет за собой проблему ее содержательной компоненты. XXI века впервые дает возможность усилить учебный план по философии таким направлениям, как философия техносферы, философия техники, философия современного общества и др. Эти направления ставят упор на более прикладном характере философии, поэтому требуют особого характера преподавания – междисциплинарного. Это является ответом на современные социокультурные вызовы общества. Оно нуждается в специалистах, которые сочетают в себе профессию инженера, философа, аналитика и которые способны на комплексную гуманитарную экспертизу.

Ключевые слова: преподавание философии в техническом университете, прикладной характер философии, междисциплинарность, научно-философское мировоззрение.

The issue of teaching philosophy, especially in technical universities, faced with the problem of changes in the curriculum, which entails a problem of content components. XXI century for the first time makes it possible to reinforce the philosophy curriculum areas such as Technosphere philosophy, philosophy of technology, philosophy of modern society and others. These trends put more emphasis on the applied nature of philosophy, so they require special nature of teaching – interdisciplinary. This is a response to modern socio-cultural challenges of society. It requires professionals who combine the profession of engineer, philosopher, analyst and capable on complex humanitarian expertise.

Keywords: teaching philosophy at the Technical University, applied nature of philosophy, interdisciplinary, scientific and philosophical outlook.

Вступ. Сучасний стан системи освіти вимагає підвищеної уваги до оновлення змісту багатьох дисциплін,

що пов'язано з багатьма факторами. Питання про змістовну компоненту завжди знаходиться в центрі

© О. О. Дольська, 2016